

Голод и социальное равенство (на примере Поволжья)¹

В работе «Голод и идеология общества» Питирим Сорокин отметил, что в «эпоху голода» происходит усиленная и успешная прививка членам общества такой идеологии, которая при данных условиях (в первую очередь, при сохранении имущественной дифференциации в обществе) благоприятствует расцвету коллективистских и уравнилельных настроений. Голодный смотрит на достояние другого как на кражу и величайшую несправедливость, а на сытых - как на врагов. Именно в таких условиях все чаще раздаются обращенные к власти призывы к очередной «социализации».² При этом известный социолог в полном соответствии с западной культурной традицией отнес понятие социального равенства к числу «стертых монет» общественного сознания.³

Однако российская действительность первых послереволюционных лет, целиком и полностью подтверждая первый вывод ученого, нередко демонстрирует полный разрыв со вторым. Перефразируя Марка Твена, вполне определенно можно заявить, что слухи о смерти в России уравнилельных настроений оказались сильно преувеличенными. С одной стороны, очевидно падение коммунистической идеологии при уменьшении имущественной дифференциации. Но, несомненно, и другое: в основе уравнилельных настроений лежали не только коммунистические идеологемы, но и вековые традиции крестьянской экономики «пропитания» или «выживания». Существование основной массы крестьянства определялось тем, каким образом оно приспособлялось к общественному порядку, какие мотивации и действия применяло в своем стремлении выжить. Так, в 1918 г. в поисках хлеба одна деревня нередко обыскивала другую, что приводило к кровопролитным

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Голод и социальное равенство (на примере Поволжья) // Духовность, Сергиев Посад. 2003. Книга пятая. Проблемы регионалистики. С. 125-134.*

² Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 367-395.

³ Сорокин П.А. Проблема социального равенства // Его же. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 252.

столкновениям.⁴ Но на практике позиции различных слоев деревни резко дифференцировались. Если в хлеботорговых губерниях кулак и середняк боролись против твердых цен, учета и реквизиций, то в потребляющих губерниях средние крестьяне по весне были заинтересованы в учете и перераспределении кулацкого хлеба. При этом в волостных советах середняки выступали сторонниками мирного, традиционно общинного решения проблемы обеспечения хлебом голодающих: путем пожертвований, самообложения, закупки в других губерниях и прочих мер.⁵

Совсем иначе вели себя власть предержащие. Реальная жизнь, задрапированная большевистскими лозунгами о равенстве и справедливости, демонстрировала совсем иной ракурс понимания социального равенства, особенно со стороны нового управленческого слоя. Например, в Ставропольской губернии в августе 1921 г. семена выдавались только семьям красноармейцев.⁶ А в Уфимской губернии летом этого же года уже в условиях, когда смерть от голода приняла массовый характер, губернский съезд постановил, что сбор ржи во всех хозяйствах губернии свыше 12 пудов на десятину подлежит обязательной сдаче государству для семенных нужд губернии.⁷ Такой сбор не дал ожидаемых результатов ввиду непригодности зерна нового урожая для посева, зато отбирание хлеба в голодающей губернии произвело весьма нежелательное впечатление: население ждало помощи, а у него отобрали хлеб. Продовольственная политика большевиков больше напоминала политику в неприятельской стране. При этом отсутствие сколько-нибудь реального учета приводило к тому, что там, где был хороший урожай, часто оставались не изъятые излишки для спекуляции, а там, где был недород, нередко отбирали последнее.⁸ Горькая действительности демонстрировала

⁴ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 77.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Помощь. Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим. 1921. № 2. С. 2.

⁷ Там же.

⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 857. Л. 94-97.

весьма нерачительное отношение властей к отбираемым у населения продуктам, которые «портились и гнили у него на глазах».⁹

Другими словами, далеко не у всех понимание справедливости совпадало с эгалитаристскими настроениями голодных масс. Вспомним хрестоматийные похождения Александра Ивановича Корейко, в числе «деяний» которого в голодные годы наиболее удачным «было похищение маршрутного поезда с продовольствием, шедшего на Волгу», комендантом которого был будущий миллионер: «Поезд вышел из Полтавы в Самару, но до Самары не дошел, а в Полтаву не вернулся. Он бесследно исчез в дороге. Вместе с ним пропал и Александр Иванович».¹⁰

В 1919-1920 гг. в Самарской, Казанской и других губерниях Среднего Поволжья намечались перебои с карточным снабжением, зато осенью 1920 г. буквально во всех губерниях по примеру Центра оформилась система привилегированного снабжения губернского и уездного руководства. Например, в Симбирской губернии к этому снабжению были отнесены: аппарат губернского, городских и уездных комитетов партии, губернских и уездных исполкомов, губернских, уездных и городских советов, различных губернских комиссариатов и ведомств, директора крупных фабрик и заводов.¹¹

Где уж тут не потерять «идеологическую невинность». Борясь за выживание, задавленные нуждой рядовые члены партии были способны на самые различные поступки, вплоть до подачи заявлений об оказании помощи в АРА.¹² Зачастую и сами местные власти, не дожидаясь помощи из Центра, принимали меры к самообеспечению. Так, сибирская газета «Экономический путь» сообщала, что в Уваровском волисполкоме сложился некий «семейный подряд»: председатель исполкома П.И. Ментов, председатель сельсовета его двоюродный брат М.М. Ментов, секретарь сельсовета родственник В.А. Ментов, заведующий столовой АРА его родной брат Е.А. Ментов, помощник

⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 98. Д. 2. Л. 114об.

¹⁰ . Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1987. С. 378.

¹¹ Чукалов И.А. Политика большевиков Среднего Поволжья в голодные 1918-1921 годы // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 133.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 398. Л. 97.

заведующего столовой - родной брат председателя сельсовета А.М. Ментов, лен сельсовета, также имеющий отношение к столовой - их родной дядя М.Н.Ментов поставили «кормление» на широкую ногу.¹³ И это в то время, как крестьяне бесцельно обивали пороги продовольственных и иных советский органов в надежде получить если не продовольствие, то хотя бы удостоверение для проезда по железной дороге за покупкой хлеба или для переселения на постоянное жительство в более благополучные районы. Те же, кому посчастливилось получить такой пропуск, нередко становились жертвой заградительных отрядов, которые отбирали у них купленный хлеб и другие продукты.¹⁴

Следует признать, что в преддверии голодной смерти чувство социального равенства несколько притуплялось. Перед нами весьма характерный для того периода диалог, записанный В.А. Поссе в разгар голода в Поволжье:

« - Много у вас в деревне голодающих? - спросили мы у здоровой бабы, продававшей молоко по 600.000 рублей за крынку.

- Да с сотню наберется.

- А остальные сыты?

- Остальные сыты.

- Что же вы, сытые не поможете голодающим?..

- А зачем помогать? Чтоб самим без хлеба остаться?».¹⁵

Ярким контрастом голодному быту выглядели чистенькие станции на пути к Сызрани, на которых «краснощекие бабы продают жирное топленое молоко и яйца, улыбающиеся дети предлагают подснежники и фиалки по 25 тысяч за маленький букетик...».¹⁶ И тут же рядом «стоит мальчонка с голыми, черными от грязи ножонками, тонкими, как спички; заостренное личико умоляюще смотрит в окно вагона, выжидая корочки... Много голодных умерло,

¹³ См.: Крокодил. 1922. № 1. С. 13.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 55. Д. 12. Л. 97-98об.

¹⁵ Поссе В.А. Нэп и голод / Подг. текста Н.А. Поссе и В.Ю. Черняева. Комментарии В.Ю. Черняева // Русское прошлое. 1993. Кн. 4. С. 295.

¹⁶ Там же. С. 294.

много убежало, а из оставшихся иные сумели приспособиться, сумели уже оправиться. У приспособившихся сердце очерствело».¹⁷

Страшной реалистичностью принизаны строки письма члена Комиссии помощи голодающим Наркомздрава А. Новикова в ЦК Российского Общества Красного Креста, на глазах которого под мостом умер от голодной смерти мальчик: «Последний раньше пользовался подачками, но и эта помощь также исчезла, ибо все население деревни поголовно голодает. Кто-то сжалился и решил принести мальчику немного молока. Принес молоко, но мальчик уже умер с протянутой рукой».¹⁸ Не лучше обстояло дело с питанием детей в детских домах, работникам которых приходилось делить скудный паек на несколько детей. Например, в детских домах Пермской губернии в 1921-22 гг. детские дома смогли приютить 12 тысяч человек, но для них отпускалось только 5 тысяч пайков.¹⁹

В тоже время, письмо заведующего отделом агитации и пропаганды Кушкинского комитета Компартии Туркестана И.Е. Иванова, приехавшего в родную деревню Бор Толмачевской волости Бежецкого уезда Тверской губернии в редакцию газеты «Известия» (февраль 1922 г.) свидетельствует, что «пьянство в деревне торжествует, и уже вошло в обычай гнать самогонку. В данное время почти в каждом дворе делают самогонку, и пьяные рожи наслаждаются, а за 1000 верст в Поволжье умирают сотнями, тысячами от голода дети, старики, все население». Вывод ответственного работника категоричен: «Я политически и юридически отвечаю за текст и требую немедленного распоряжения о принятии самых строгих мер, вплоть до расстрела, конфискации всего хлеба у пьяниц».²⁰ Подобному отношению имелось вполне прагматическое объяснение. Например, в Ярославской, Вологодской и Костромской губерниях продналог на 1921 г. оказался гораздо

¹⁷ Там же. С. 295.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 3341. Оп. 4. Д. 26. Л. 37-38.

¹⁹ Карпинский К.Т. Некоторые факты о голоде в Пермской губернии в 1921-1922 гг. // Прикамье, век XX: малоизвестные страницы истории края: Материалы региональной научно-практической конференции. Пермь, 1997. С. 13.

²⁰ ГА РФ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 182. Л. 46-46об.

тяжелее прошлогодней разверстки. Желание жертвовать и помочь голодающим было, но наличие оставшегося от продналога не давало возможности воплотить в жизнь это благое намерение. Население выражало опасение, что собранный налог будет вывезен из губернии, и оно в конце концов будет само голодать.²¹ Кроме того, «как мог он (русский народ - И.О.) ожидать нищеты и смерти от голода, когда только что завладел всею землею и огромными богатствами государства и бывших господ. Понятно, что напоминание о «костлявой руке голода» казалось ему попыткой буржуев запугать ложью и остановить от грабежа».²²

Поток переселенцев в Сибирь хлынул уже с 1918 г. и к 1920 г. в крае скопилось около 500 тысяч «неприписных», то есть не приписанных к земельным обществам. Поэтому 18 августа 1920 г. Сибревком принял постановление о закрытии переселения в край до урегулирования земельных отношений, что было подтверждено циркуляром Наркозема от 23 марта 1921 г. Однако провести это решение в жизнь не удалось из-за массового движения беженцев от голода из районов Среднего Поволжья. Поэтому 25 июля 1921 г. ВЦИК принял новое постановление о разрешении свободного переселения из районов, пораженных голодом. Уже в этом году в Сибирь прибыло 112 тысяч «голод-беженцев». После завершения волны «голод-беженцев» в мае 1922 г. Сибирь вновь была закрыта для переселения, однако вольна крестьянского переселения на восток не прекращалась.²³

Можно сказать, что срабатывал некий «закон удаленности» от эпицентра голода: чем дальше (особенно это относилось к крупным городам), тем больше чужая боль и беда воспринималась как абстрактная величина. Символом подобных отношений можно считать стихотворение «Плакаты» неизвестного крестьянского поэта из Самары:

«На плакатах нарисованы смачно

²¹ Помощь. 1921. № 3. 29 августа. С. 2.

²² Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. №10. С. 117.

²³ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 94.

Светлого будущего люди свободные,
Веселые, здоровые,
А под ними – вповалку
Сбродом жалким
Детишки голодные,
Уродные, с утробным плачем,
Вспухшие бабы и мужики, бредящие ситным и коровою...».²⁴

Едва выехав за границу в октябре 1921 г. А.М. Горький пишет статью «О русском крестьянстве», в которой выражает надежду на то, что «...Вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя - грамотных, разумных, бодрых людей».²⁵ Да и в самой деревне к смерти постепенно привыкли и рассматривали как обыкновенное дело: «На завалинке бородачи и председатель сельского совета с ними. Сидят, сигарки покручивают и смотрят, как ребятишки трупом играют: за ноги из стороны в сторону таскают».²⁶ Даже в уездном Ставрополе в 1921-1922 гг. случалось и трупоедство и людоедство,²⁷ а «есть настоящий хлеб ... считалось в то время почти неприличным».²⁸ Но подобные свидетельства характеризуют поведение уже не недоедающего, а голодающего социума, когда «через голодное брюхо, иссохшее, никакого впереди свету не видать, понятие пропадает, с чего ты терпеть захотел».²⁹ Нередко переживший голод человек констатировал, что «после голода своего настоящего ... жалость я потерял, в людях одну пакость вижу, даже и семью хоть бы за дверь. Да и сам себе не мил».³⁰

Экцессы голодной поры нередко трансформировали понимание социального равенства в равенство перед смертью. Как говорилось в письме служащих Самарского губпродкома (части «русского интеллигентного

²⁴ Уроки голода в Самарской губернии / Автор предисловия и подг. к публ. Ю. Орлицкий // Черный перелом: Сборник / Сост. Ю.В. Астанков. Самара, 1992. С. 75.

²⁵ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 43-44.

²⁶ Поссе В.А. Указ. соч. С. 301.

²⁷ Жизнь деревни. 1922. 12 марта.

²⁸ Поссе В.А. Указ. соч. С. 299.

²⁹ Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 234.

³⁰ Там же. С. 236.

пролетариата, всегда, как известно, отличавшегося гуманностью и отзывчивостью на всякое человеческое страдание»), принявших на общем собрании резолюцию об отчислении в пользу голодающих детей 2-х фунтов муки от своего пайка и 2% получаемого денежного жалования, в ЦК Помгол в середине сентября 1921 г.: «Голод своей костлявой рукой душит и взрослых, и детей».³¹ Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим так характеризовал настроения населения в конце лета 1921 г.: «Люди, с одной стороны, стали злы и безжалостны, а с другой равнодушны и безучастны. Кражи повсеместно участились; воров, если поймают, убивают на месте ... Убивают обыкновенно человека 3-4 - способные на это находятся в каждом селении - и пишут приговор; остальные подписывают, что убить постановили всем миром. И факты эти объясняются не только жестокостью, сколько безразличным отношением к жизни».³²

Но повседневность голодной поры нередко давала и противоположные примеры. «Горе горькое» примиряло бывших противников и замораживало земельные споры: в ряде мест землю не стали переделывать, а пахали, кто мог, по дележу прошлых лет. Перед нами еще одна характерная для этих лет запись, сделанная собирательницей народного фольклора С.З. Федорченко со слов одного из голодающих: «Шли без куска. И видели, как кто к земле припадать начнет, этот сейчас ему откуда-то кроху, подкормит маленько. А сам все тает, болеет. Слушки, однако, пошли, что пищи приберег. Уж было отнимать задумали, как свалился он». Какого же было удивление спутников, обнаруживших под шапкой умершего всего половинку галеты.³³ Далеко не все черствели и зверели в этот период. Крестьяне, пережившие тяжелую годину, вспоминали: «На голоде мы всех жалели. Мы не в избытках, да как глянешь настоящего голодающего: как по нем водяные подушки опухлые, из десны гной, как он глух, слеп, недвижим, - последним поделишься».³⁴

³¹ ГА РФ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 110. Л. 13.

³² В краю голодном // Помощь. 1921. № 3. 29 августа. С. 2.

³³ Федорченко С. Указ. соч. С. 234-235.

³⁴ Там же. С. 234.

Страх перед голодом и его последствиями существовал и был одной из причин консолидации российского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины, для которой взаимоподдержка крестьян в случае голода была традиционной и освящалась общественным мнением.³⁵ Одной из форм выживания стали крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВы), образованные декретом от 14 мая 1921 г. Последние организовывали в голодающих районах при завозе продуктов (если таковые имелись в наличии) столовые и следили за справедливым распределением продуктов, проводили учет голодающих и обязательное «самообложение» (до чего же выразителен русский язык!) более зажиточных соседей. Другими словами, у кулаков в ряде регионов конфисковывали хлеб и скот, а на юге самообложение таких хозяйств проводили фруктами, овощами и другими продуктами. В голодных районах мельницы обязывали к бесплатной переработке суррогатов, а в ряде районов облагали 25% отчислениями от заработка. Кроме того, ККОВы организовывали экспедиции в более благоприятные губернии, способствовали открытию детдомов, убежищ для голодающих, пытались организовать субботники и фонды для борьбы с голодом. В благополучных в продовольственном отношении губерниях комитеты сосредоточили свою работу на организации помощи: например, Московская губерния кормила голодающих чувашей, а к Витебской были приписаны немцы Поволжья. Так, решением от 16 января 1922 г. Витебский губернский съезд ККОВов обязал всех граждан внести продукты из того расчета, что 10 трудоспособных кормят одного голодного по норме 30 фунтов хлеба и 6 фунтов приварка в месяц, и фуража из расчета 20 фунтов сена или соломы с десятины. Петровский комитет Ставропольской губернии отобрал вино у зажиточных граждан, не имеющих патента, а на вырученные от продажи спиртного деньги купил продукты для голодающих.³⁶ Стоит ли говорить о цене такой помощи. Так, в Натальинском волостном комитете

³⁵ Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1995. № 4. С. 19.

³⁶ Голод. 1921-1922. Сборник. Нью-Йорк, 1922. С. 95-96.

взаимопомощи (Самарская губерния) на вопрос о ценах на хлеб ответили: «Ввиду голода, цен на них не имеется».³⁷

В современной литературе сложилось мнение, что в более широком контексте в российской традиции стремление к равенству является частью проблемы поиска стабильности. В условиях же голода, эгалитарность нередко приобретала силу религиозного чувства.³⁸ Известны случаи, когда крестьяне заблаговременно причащались целыми семьями. Но при этом изъятие церковных ценностей, произведенное «во имя спасения умирающего волжанина», несмотря на то, что из изъятых церковных ценностей на сумму почти 7 млрд. рублей на помощь голодающим пошло не более 2 млн,³⁹ также получило со стороны широких деревенских слоев полное одобрение:

Пусть святые в церкви голы,

Зато сыт голодный люд.

На церковные на ценности

Много хлеба им дадут.⁴⁰

Еще одно свидетельство того, что в крестьянской среде вполне благосклонно восприняли декрет об изъятии церковных ценностей, письмо уполномоченных крестьян по изъятию церковных ценностей из Самарской губернии М.И. Калинину, написанное в разгар голода (апрель 1922 г.): «Когда эта масса, стоящая одной ногой на краю могилы, услышала радостную для нее весть ... о том, что ... ВЦИК откликнулся на слезы и стоны умирающих от голода самарцев и спешите к ним на помощь в отобрании церковных ценностей, ... рабочие и крестьяне Самарской губернии в лице своих уполномоченных вынесли резолюцию, в которой приветствуют Декрет об изъятии церковных ценностей...».⁴¹

³⁷ Там же. С. 45.

³⁸ Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1995. № 4. С. 27.

³⁹ Кристалкин А.М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1997. С. 174-175.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 59.

⁴¹ Там же. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 182. Л. 58-58об.

Подобный эгалитаризм, оплодотворенный идеей справедливости, прослеживается в голодные годы не только в крестьянском менталитете, но и в сознании разных категорий городского населения. Именно в таком ключе некто К.Г. Шелкунов из Уссурийска изложил в январе 1923 г. свои предложения Дальревкому, преследуя «в данном случае единственную цель – быть по возможности полезным в деле борьбы со стихийным бедствием - голодом...», суть которых - в введении специального налога на роскошь на имущий класс: «Однажды в кондитерской, будучи свидетелем дорогой покупки торта, я невольно задумался над вопросом о том, почему значительная затрата средств остается в данном случае безнаказанной и неужели невозможно [не] урезать каравая хлеба голодающим за счет этого шедевра из взбитых сливок?». К числу предприятий, которые могут быть немедленно привлечены к сбору налога, автор письма отнес гастрономические, кондитерские и цветочные магазины, рестораны, кофейные и аналогичные заведения. Причем плательщиком налога является сам покупатель, купивший кондитерских, гастрономических товаров или цветов, или потребивший кушаний и напитков свыше определенной суммы, которую автор предлагает ограничить одним золотым рублем.⁴²

Еще дальше в своих поисках социальной справедливости и равенства пошел сотрудник Наркомпрода А. Калмановский в своем письме в ЦК Помгол в октябре 1921 года. Подчеркивая тот факт, что все благотворительные сборы дают и будут давать гроши, автор полагал, что вопрос спасения голодающих «нельзя предоставлять «доброй воле» отдельных граждан и бродить в потемках, не зная размеров этой «доброй воли». Помощь должна быть твердой, всеобщей и обязательной. На щедротах отдельных граждан далеко не уедешь и тех, кто не дает - надо заставить дать, тогда помощь будет и значительной, и не обременительной для дающих». Другими словами, чиновник от продовольствия предлагал во всех непораженных голодом местностях каждому едоку в обязательном порядке вносить в месяц по одному фунту хлеба. При этом, городскому и прочему неземледельческому населению разрешалась

⁴² Там же. Ф. 1065. Оп. 1. Д. 13. Л. 188-192.

замена натурального налога денежным, но по рыночным ценам каждой местности.⁴³ Житель города Армавира С.И. Невжинский в январе 1922 г. предложил Совету труда и обороны «для скорейшего устранения голода ... перебросить продовольственные запасы и семенные материалы из других отдаленных губерний».⁴⁴

Что же касается самих голодающих, то им также отводилось место в уравнительных «моделях» 1920-х годов. Например, профессор В.В. Майнов в июле 1921 г. предложил, в числе других мер помощи голодающим, организацию коммун из голодающих для общественных работ (рубка леса, постройка дорог, ловля рыбы, массовая охота и прочее), участники которых получали бы за свой труд каждый по потребностям. По мысли автора, «такие общины должны быть организованы строго коммунистически, как это описано у Кропоткина, Бебеля и Беллами ... для того, чтобы не развращать голодающих денежной или продовольственной помощью в буржуазном духе, развивающей воровство, взяточничество и другие преступления».⁴⁵

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что критерии социальной справедливости и равенства не были четко определены и существовали только в виде общих принципов, тесно связанных с освященными авторитетом сельской общины моральными ценностями, дефицит которых на постреволюционном пространстве России был очевиден современникам. Оказывали свое несомненное влияние как фактор удаленности от эпицентра голода, так и возможности властных органов в деле борьбы с эксцессами голодных лет.

⁴³ Там же. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 16. Л. 168.

⁴⁴ Там же. Л. 7-7об.

⁴⁵ Там же. Л. 58-60.